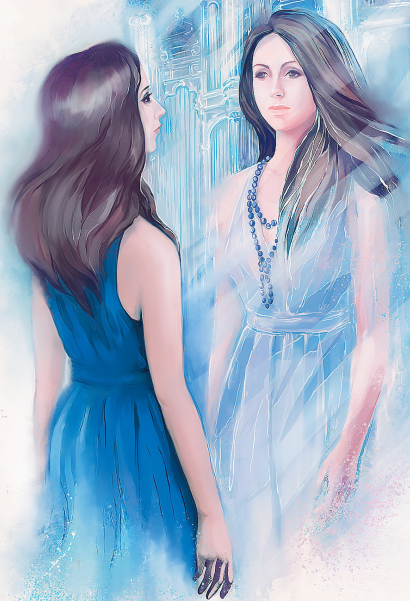

НАТАЛИЯ ТЕРЕНТЬЕВА

МОЙ
ЧЕЛОВЕК

Наталья Михайловна Терентьева

Мой человек (сборник)

Серия «Золотые небеса»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38091527

Наталья Терентьева. Мой человек (сборник): АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-110570-9

Аннотация

Жизнь идет быстрее, чем нам хотелось бы. Голоса из юности... Они уже еле слышны. Невозможно вернуть ни то время, ни себя молодого, но вдруг встречаешь человека из того далекого времени, когда ярче светили звезды и все было еще впереди, и жизнь как будто начинается сначала.

...Музыка, которую играл Алеша, была нервная, сложная. Я чувствовала, как у него, и у меня, и в пространстве, окружающем нас, что-то рвется, болит, выходит далеко за пределы тебя самого, в огромный мир, заполненный страстями, ненавистью, любовью, мучительной страстью и переворачивающей все твоё существо нежностью.

Книга издана в авторской редакции.

Все события и персонажи этого романа вымышлены, любые совпадения случайны

Содержание

Мой человек

6

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Наталья Терентьева

Мой человек (сборник)

© Н. Терентьева, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ, поэт,
Главный редактор журнала «Юность»

Мой человек

*Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.*

Марина Цветаева

– Мам, не скучай! – Мариша поцеловала меня, внимательно посмотрела в глаза, чтобы убедиться, что я не буду скучать и грустить, и, забросив рюкзак за спину, ушла, твердой походкой, прочно упираясь ногами в землю, по которой она ходит уже восемнадцать лет, благодаря мне и тому человеку, к которому она сейчас шла на юбилей.

В рюкзаке у моей дочки были немнущееся платье в пол и туфли на высоких каблуках, которые покупались для школьного выпускного вечера. С большим трудом мне удалось доказать ей, что на такое мероприятие, как пятидесятилетие родного отца, не стоит идти в джинсах и свитере с висящими нитками и дырками. Выпускное – скромное, воздушное, бледно-розовое, до колен – тоже не подошло. Попросили прийти в длинном, яшила его неделю, по самому лучшему образцу и чуть-чуть добавив от себя фантазии. Я хорошо шью.

Я посмотрела, как уходит моя дочь, еще немного постояла

в нерешительности, потому что так и не решила, куда мне пойти. Никто не знает, зачем я вызвалась провожать Маришу на юбилей. Она уже не ребенок, везде ездит сама, меня вроде не звали... Но я решила – посмотрим, поеду, а там решим...

Я шла по улице, размышляя о том, почему все получается не совсем так или вовсе не так, как ты предполагал. Например, я абсолютна равнодушна к политике, стараюсь не вдаваться в быстро меняющиеся реалии сегодняшнего дня. А моя дочь вдруг в конце одиннадцатого класса резко и внезапно полевела и теперь со всей энергией молодости пытается выказать свое презрение к душному миру буржуазии.

Выливается это подчас в крайние формы. Я не лезу, не считаю себя уже вправе говорить «Нет!» – ведь она не делает ничего плохого, просто ищет свой путь. И поэтому, то напрочь отказывается от косметики, то не хочет носить нарядную одежду, то принципиально отрицает любые формы классового чванства – дорогие магазины, бутики, спортклубы. Подчас даже название может ее остановить от необходимой и вполне доступной покупки.

– Ах, «дворянский заварной»? До свидания! Всех дворян проводили на отдых в семнадцатом году! – громко может объявить Мариша в магазине.

Я не стесняюсь, просто удивляюсь и немножко отхожу в сторону. Ведь умный родитель с некоторых пор должен отходить в сторону. Вот как сейчас я. Проводила – и ушла. Никто не знает, как мне сейчас – приятно или не очень, оди-

ноко или весело... Взрослая дочь ушла на юбилей к моему бывшему мужу. Что тут плохого, женщина? Отчего вы так грустны? Я подмигнула сама себе в витрине. Ничего, прорвемся. Одиночество – это еще не самое страшное, что может случиться с тобой в сорок три года.

А насчет левых настроений моей дочери... Наверное, это естественно в нашей семье. Бедными нас не назовешь. Назовешь скорей благополучными. Но... из низов. Мы на социальном дне, но не в той стороне, где помойка, а в той, где чисто и красиво. Такое место тоже есть. Еще нас назовешь думающими. Мы читаем книжки – я по старинке, Мариша обучена мною с раннего детства. Поэтому мы острословные и с кругозором.

– Куда успели ваши успешные? – только что, выйдя из метро, вступила моя дочь в диалог с уличной рекламой, где популярный артист показывает идеальные керамические зубы и предлагает что-то «для успешных людей». – Успел? Не упади в спешке, затопчут!

Хотя ведь тот человек, на юбилей к которому нам пришлось шить особое платье, – настоящий буржуй. Или буржуа, как больше нравится. Мне не нравится никак. Но я даже рада, что он буржуй, потому что масло на хлебе у моей дочери всегда есть.

Сама же я – романтик с прекрасным московским образованием, тонким пониманием культуры и искусства, – хлеб своей дочке могу намазать маслом не каждый день. У нас

так бывает: либо хлеб с натуральным маслом, либо билет на хороший спектакль, либо книга, которую обязали купить в МГУ, куда Мариша с легкостью поступила на «бюджет». И так бы было всегда, если бы я кормила свою дочь одна. Но у нее есть родитель номер два, как говорят теперь белые европейцы, и этот родитель сумел в свое время прыгнуть в стремительно разгоняющийся поезд, увозящий некоторых из соплеменников в прекрасное далеко, где текут молочные реки, а берега, стало быть, кисельные. Или икорные, кто предпочитает морепродукты сладостям.

Маришин родитель, в отличие от многих других, прыгнувших в тот поезд, не воровал, не убивал, не сажал друзей в тюрьму, чтобы одному взять побольше из внезапно открывшегося волшебного ларца. В ларце этом были заводы, дома и пароходы. В девятьсот семнадцатом году их отобрали толпы нищих, голодных и бесправных, а в девяносто первом у откормленных потомков этих нищих снова отобрали, да так умно, что потомки сперва и не поняли, что произошло. Родовались даже.

Маришин папа, образованный и начитанный, поначалу тоже подрастерялся, еще надеялся, что происходящее – странный вираж, что все вернется на круги своя. Но оно не вернулось. И он вовремя бросил диссертацию, в которой доказывал преимущества враз сломанной экономической системы над той, которая резко и внезапно установилась в стране. И пошел работать на эту систему. Так он и стал буржуем.

Не совсем настоящим. Настоящий буржуй все-таки не встанет в семь утра, не работает по девять-десять часов. А Илья, Маришин папа, – встает и работает. И зарабатывает и себе на хорошую, безбедную жизнь, и своим детям. Детей у Ильи двое, Мариша и еще одна девочка, ей всего три года.

Когда Илье исполнилось сорок лет, он стал беспокойно оглядываться по сторонам. Знающие подруги говорили: «Потерпи, не переживай, это пройдет. Седина в бороду...» Всегда гладко выбритый и не собирающийся пока сесть мой муж стал меняться на глазах. Записался в тренажерный зал, стал одеваться ярко и небрежно, как двадцатилетний.

– Ты боишься стареть? – как-то не выдержала и спросила его я.

Прожив с мужчиной больше пятнадцати лет, утрачиваешь чувство страха его потерять, если оно когда-то у тебя было. У меня – и не было. Муж становится привычной бедой или привычной проблемой. Или, как было у меня, привычной, временами обременительной, но все же радостью.

– Я боюсь, что у меня больше в жизни ничего уже не будет, – неожиданно легко ответил мне Маришин папа. – Я с тобой развожусь.

– Ты дурак, что ли? – удивилась я. – В смысле «не будет»? В смысле – развожусь?

Представить, что когда-то мы можем развестись, мы, давно существующие как одно целое – вполне гармоничное и довольное собой целое, я не могла.

– Развожусь, значит, развожусь. Практически уже развелся. Я купил себе другую квартиру, эту оставляю вам с Маришей. Если бы ты так нагло меня о самом сокровенном не спросила, я бы еще подумал, а так – всё, привет, надоело! Собери мне чемодан... Или нет, я сам соберу.

Мариша, которая слышала конец нашего разговора, спустилась со второго этажа нашей удобной, современной, но немного странной квартиры, в которой было три большие комнаты и при этом два этажа. Марише тогда было девять лет. Пять лет до ее рождения мы жили без детей, любя друг друга и мечтая о том, как у нас будет трое детей. Но родилась только Мариша, и как-то на этом всё остановилось.

Мариша съехала по перилам и подошла к своему отцу.

– Тебе надоело со мной жить? – спросила она.

– С тобой – нет. С твоей мамочкой немного надоело, – напряженно улыбаясь, ответил ее отец. – Вот тебе надоедают старые игрушки, правда? Ты что с ними делаешь?

– Иногда ноги отрываю, иногда голову... – неуверенно ответила маленькая Мариша.

– А что мы маме оторвем – ноги или голову?

Мариша, с детства обладающая хорошим чувством юмора, даже не улыбнулась в ответ, подошла ко мне и прислонилась головой к моему бедру.

– Ничего не надо маме отрывать, – трагически прошептала Мариша. – Я все поняла. Это как у Таньки было. Ты меня бросаешь. Я – твоя старая игрушка. Таньку тоже папа бро-

сил. Потому что у него заиграл гормон.

Маришин папа метнул на меня острый взгляд.

– Научила ребенка?

– Чему? Ты что, издеваешься? Я первый раз слышу о твоих планах.

– Ты о моих планах раньше меня всегда всё знаешь, не надо!..

Я видела, что он хочет поссориться, и помогать ему не стала. За последнее время такое случалось несколько раз. Сначала я не понимала, что он ссорится, чтобы уйти из дома в выходные, но вот теперь, кажется, разобралась, что к чему. Поздновато только разобралась.

– Ты, Маришенька, – продолжил он, не подходя, однако, к Марише, – моя любимая девочка, и я тебя не бросаю. Я бросаю только твою маму, потому что она... – Илья задумался.

– Постарела, – подсказала я.

– Нет! Нет! Не выдумывай! Потому что ты... – Он наморщил лоб. – Не видишь во мне человека! Да. Унижаешь меня...

– Чем? – все-таки поддалась я.

– Всем! – обрадованно ответил тот, кого я привыкла считать своим человеком. – Всем, всем! Я одинок. Да, одинок. Меня здесь никто не понимает. И еще... – Илюша с сомнением посмотрел на меня и все-таки продолжил: – Ты корыстна. Да-да! Живешь со мной ради денег!

– Ну, ты свинья, Комолов, – не выдержала я.

– Вот! И ругаешься, как грузчик. У тебя ужасный характер. Маришка, я тебя люблю, – повернулся он к дочери, которая собралась плакать. Тогда еще Мариша умела плакать и даже по-детски иногда этим пользовалась. – Не плачь. Я буду брать тебя к себе на выходные. У меня отличная новая квартира. Точнее, дом. Я купил дом! – победно объявил мне Илья. – Ты же хотела жить в доме с двумя собаками? И иметь сад? Вот, я буду так жить. Порадуйся за меня, добрая христианка!

– Да иди ты к черту! – возмутилась я.

– Вот, Мариша, видишь, почему я не смог жить с твоей матерью. Запоминай. Я очень рад, что этот разговор происходит совершенно случайно при тебе. Если у женщины плохой характер, ее бросают.

Я понимала, что он меня провоцирует, понимала, что надо сдержаться, не устраивать сцены, чтобы эта сцена не врезалась в память Марише... И сдержалась. Взяла себя в руки, улыбнулась, покрепче прислонилась к дверному косяку, чтобы родная стенка меня поддержала, когда никто и ничто другое не может поддержать.

Илья вопросительно взглянул на меня. Убедился, что я отвечать ему не буду, подошел к Марише, обнял ее.

– Я тебя очень люблю и не бросаю. Повтори.

Мариша молча освободилась от его рук.

– Ага, понятно. Ну ладно. Передумаешь, звони, дочка.

– Ей девять лет, – напомнила я. – Третьеклассница. Обо-

роты сбавь!

Маришин папа улыбнулся.

– Стерва. Грубая, неприятная. Нос у тебя толстый, уши пахнут супом. Ноги кривые. А в глазах – доллары, евро, доллары, евро. Мои – евро и доллары! Так, Мариша. Взгляни на меня, дочка. Я тебя люблю. И телефон у меня остался прежний. Если твоя дура-мамаша настраивать тебя не будет, то своего родного папу ты будешь видеть часто. Почти так же, как сейчас.

– Ты женишься? – спросила я.

– Не дождешься! – улыбнулся Илюша. – Не так все просто.

– Замуж выходишь?

– Стерва. Я же говорю – как с тобой жить? Не трогай меня сейчас. Не устраивай разборки. Человек имеет право начать жить с начала. Выхожу на свободу. Чтобы никто мне не говорил, чего я хочу. Сво-бо-да! Так, я сейчас много вещей брать не буду... Я, может, вообще вещи брать не буду. Новое куплю.

Через два месяца, убедившись, что намерения его серьезны (он зачем-то быстро развелся, я решила – чтобы оформлять новую собственность уже в свободном состоянии), я вынесла мешок с его вещами на соседний бульвар. Вещи сначала никто не хотел брать, боялись, наверное, что в мешке взрывчатка. Через два дня мешки все же исчезли, а потом я увидела в Илюшиных пиджаках и куртках местных полубомжей, живущих в старом, но крепком кирпичном доме,

построенном когда-то как рабочее общежитие, а в смутные годы заселенное непонятно как и кем. Я пожалела, что просто не выбросила вещи. Но уже было поздно. Не подходить же было к пьяницам со словами: «А ну снимай, а то у меня настроение портится, не могу видеть на тебе пиджак моего бывшего мужа...» Семь лет прошло, а один все так и носит Илюшин твидовый пиджак, весь рваный, клетка стерлась, он новому хозяину велик, болтается, как полупальто. Встречая его, я хмыкаю – вот, идет символ моей личной жизни. Было красиво, дорого и свое, а стало ужасное, старое и чужое. Нет, конечно, Илюша так сильно, как его пиджак в рыжую клеточку, пока не постарел, но обрюзг прилично.

После ухода от нас его дела так быстро пошли в гору, что я даже думала – нет ли тут какого подвоха, вдруг он ушел, потому что связался с какими-то криминальными личностями и не хочет, чтобы мы с Маришей как-то пострадали, в случае чего. Еще года три я не могла поверить, что Илюша ушел навсегда и что он больше не мой человек и, вероятнее всего, моим человеком никогда не был.

Ни в тот день, когда много лет назад подошел ко мне в парке и спросил, как пройти в планетарий. От неожиданного вопроса я засмеялась, а он медленно покрутил головой и сказал: «Я убит. Навсегда». Ни потом, когда мы полтора года жили на гречке и кефире, потому что Илюша заводил свой бизнес. У него ничего не получилось, голодали мы зря, он пошел работать счетоводом, как он сам выражался, к одному

ловкому и очень смахивающему на обыкновенного бандита дельцу, открывшему магазин, в котором игровых автоматов было больше, чем полка с товарами. Илюша чужие деньги считал хорошо, видел риски, получал прибыли, высчитывал опасных врагов, опасные комбинации и опасные дни, у бандита дело пошло в гору, он открыл игровой клуб, второй, третий, потом его убили. Те, кто убил, взяли себе счетоводом моего Илюшу.

Я ничего поначалу об этом не знала. Официально Илюша работал в «офисе», уезжал утром, приезжал вечером, говорил, что продает керамическую плитку. Узнала только спустя год, когда посадили или переубивали всех, а Илюша купил себе две фирмы, сделал из них одну, потом купил еще три, перестроил старый заводик, очень выгодно его продал, вложился в жилищное строительство, вовремя забрал оттуда деньги, перекинул их в строительство в теплых краях, еле унес ноги – там свои люди и свои законы, наконец, вложил деньги в сетевой магазин. Придумал себе концепцию, не новую, но оригинальную – Илюша пытался продавать «полезные» продукты, с отрубями, с йодом, с железом, без добавок, покупал молоко и творог у подмосковных фермеров, возил сметану из Белоруссии, соки и приправы из Армении.

Магазинчики Илюшины стали погибать, не выдержав конкуренции с монстрами рынка, в которых покупатели погибают вместе со всеми своими деньгами и главное – со всеми своими днями, которых каждому не так уж и много от-

пущено, чтобы проводить их среди рядов с едой и напитками. Илюша магазин свой продал и купил транспортную фирму, большую, с фурами, строительным транспортом. Дела у фирмы пошли хорошо, но Илюша и ее продал. И тут неожиданно забрезжил просвет.

Илюша поменял машину на очень дорогую, купил еще хорошую машину мне, которую скоро продал, потому что я никак не могла пойти в автошколу, купил небольшой катер и арендовал место на причале, мы переехали в двухэтажную квартиру в хорошем новом доме на берегу Москвы-реки, как раз с видом на «наш» причал. Каждый месяц Илюша брал билеты, и мы на пару-тройку дней летали втроем то на море, то в горы, и всё подальше, всё в какие-то диковинные места... Наш маленький белый катер стоял на причале и ждал, когда мы отправимся на нем в большое морское путешествие. Кстати, не дождался. Дальше Москвы-реки мы на нем так и не поехали.

Еще Илюша купил лошадь, которая продолжала жить в конюшне на окраине Москвы, но была теперь его собственной лошастью. Он ездил ее кормить и кататься на ней по вольтеру и соседним полям.

Я не могла добиться, чем же таким занялся мой муж. Я верила, что чем-то полезным и хорошим. По крайней мере, не преступным. И не то чтобы я себя уговаривала. Илюша на вопросы не отвечал. Я его прекрасно знала – он любил делать все сам, не советуясь, не проговаривая вслух свои планы. И я

с годами к этому привыкла. Сейчас я видела, что он спокоен, доволен, кушает с аппетитом, спит хорошо, не переживает, не волнуется, тайком не пьет ни коньяк, ни валерьянку. Когда он работал с бандитами, он был как комок издерганных нервов. А сейчас – нет. Илюша даже потолстел немного. «На золотую жилу попал, – улыбался мой муж, когда я подступалась к нему с вопросами. – Дураков много. Все хотят быть здоровыми».

Через некоторое время я все-таки узнала, что Илюша приобрел производственную фирму, выпускающую и продающую пищевые добавки, которые должны помочь стареющим женщинам выглядеть, как в тридцать, стареющим мужчинам – страстно любить молодых женщин, лысеющим – вновь зарости шевелюрой, полным – похудеть, прыщавым – избавиться от мучительных проблем на коже, горбатым – выпрямиться, хромым – плясать до утра...

– Ты не понимаешь, – терпеливо объяснял мне Илюша как лучшему другу. Ведь я была его лучшим другом, я это точно знала. – Человек должен во что-то верить. А верить просто так, ни во что, что когда-то будет лучше, – очень трудно. Если он выпил таблетку мела, в которую мы подмешали натуральный (заметь – натуральный!) краситель из морковки или свеклы, и поверил, что его коленка перестанет болеть, он запустил нужный импульс в своей голове. А ведь самое главное – это вовремя пустить нужный импульс в нужное место. Ты про йогов знаешь? Вот. Йоги могут остановить дыхание.

Лечь под землю, там полежать, потом встать, отряхнуться и снова пойти. А обычный человек без воздуха и воды не может, но в состоянии силой своей мысли вылечить, к примеру, больную коленку. Просто без моей таблетки у него эта сила мысли зря будет пропадать. А так – подействует направленно. Хоп! – и коленка не болит. Я читал, не переживай, Оленька, не переживай. Ты вообще о них не переживай, о тех, кто идет в аптеку, чтобы вернуть себе стройную фигуру и молодость. Они дураки. В аптеке молодость, тонкая талия и мощная потенция не продаются. Уж ты мне поверь. Дураки. Ленивые и инертные.

Видя, что такой поворот мне не по душе, Илюша погладил меня по руке и поменял тактику:

– Дурачки, если тебе так больше нравится. Все люди хотят, чтобы их обманывали. Всегда. И маленькие, и большие. Маленькие любят сказки, и большие любят сказки. Весь наш мир – это огромная сказка. Сверху донизу. Ты же Библию читала? Читала. Ветхий Завет. Помнишь, как он начинается? Жил-был Бог, решил он сотворить землю. Сделал сначала небо... Как можно сделать небо, скажи мне? А люди верят. На самолетах в этом небе летают и верят.

Потом, уже расставшись с Илюшей, я часто думала, как должна была поступить настоящая хорошая жена, которая узнала, что муж занялся таким делом, мягко говоря, не очень честным по отношению к другим людям. Я-то время от времени приставала к Илюше, портила ему нервы и настроение.

Я просто не могла смириться, что мы едим, пьем, путешествуем по всему миру, не считаем деньги, меняем машины, одна шикарнее другой, гоняем с ветерком по Москве-реке на своем катере лишь потому, что Илюша занимается таким делом. Никто не умер от его лекарств, потому что в них ничего нет, кроме мела, красителей и вкусовых добавок. Но никто и не выздоровел. Может быть, один человек вылечил сердечную недостаточность мелом. Ел мел и внушал себе: «Мое сердце бьется ровно, клапан сокращается вовремя, желудочек сердечный не дрожит, в жар и холод меня не бросает, и сердце не ёкает, не толкается, не прыгает. Потому что в этой таблеточке – вся сила природы...»

Может быть, прав как раз Илюша? И он занимается очень хорошим делом? Илюша в это верит, мне кажется, потому что ему так удобнее.

Мы стали с ним думать по-разному, и с этого момента отношения наши разладились и привели в результате к полному разрыву и разводу. Я так считаю. Потому что мне неприятно думать, что мой человек, настоящий мой человек, которому я верила так, как никогда никому в жизни не верила, ушел от меня, потому что я ему надоела. С этим знанием жить невозможно.

Я погуляла по центру Москвы, не отходя далеко от того места, где проходил юбилей. Мне все казалось, сейчас позвонит Илюша и скажет: «Я не вижу тебя. Не понял. Ты не хо-

чешь поздравить меня с пятидесятилетием?» Но он не звонил. Мариша через некоторое время прислала знак вопроса и свою фотографию в платье – она сняла себя в зеркале. Я послала ей в ответ сердечко. Мариша – самая красивая, она дитя любви. Ведь была же любовь когда-то. Была и куда-то ушла.

Я заметила, что иду всё медленнее и медленнее. У большой витрины, в которой были выставлены красивые чашки и тарелки, я остановилась. Посмотрела на себя. Ведь я могу просто прийти и послушать хорошую музыку, разве нет? Мариша сказала, что в программе праздника – концерт.

Юбилей был организован в Доме литераторов, хотя Илья не имеет отношения к литературе, но зато имеет отношение к деньгам, и немалым. А за деньги можно организовать всё или почти всё. Илюша пригласил самых лучших, самых известных музыкантов, чтобы они играли на его празднике. И не пригласил меня.

Когда неделю назад Мариша за завтраком молча показала мне телефон, я не поверила своим глазам. Ей писала новая жена Илюши.

Мой муж, погуляв три года, все-таки женился на совершенно юном и глупом существе, восемнадцати лет от роду. Девочка по имени Даша Кучкина из далекого-далекого поселка Новоспасский в самой глубине России, приехала в Москву, чтобы поступать, как водится, в МГИМО и во ВГИК – куда возьмут. Не взяли никуда, и Даша, сильно накрасив

губы и нарядившись, пошла гулять на Старый Арбат.

Илья в это же время поехал туда в антикварный магазин, чтобы купить новую трубку. С некоторых пор он поменял обычные сигареты на крепкий табак. Как можно курить из трубки, которую уже кто-то курил до тебя, мне непонятно. Но мне и непонятно, как можно глотать дым и выпускать из себя – я не курю вообще и никогда не курила, даже когда Илюша до рождения Мариши любил с чашкой крепкого кофе подымить на кухне. И я, получается, была семь лет пассивным курильщиком. Но сама не закурила.

Итак, две линии судьбы сошлись в тот вечер на Старом Арбате, Илюша встретил Дашу. Откуда я все это знаю? Они ставят свои фотографии, начиная с их первой встречи. И не захочешь, а все узнаешь. Можно, конечно, не смотреть фотографии. Но однажды ко мне подошла Мариша и показала всю фотоисторию новой любви своего папы, моего бывшего мужа. Я, кляня себя, посмотрела. Потом отругала Маришу, отругала саму себя. Но зато мы теперь все про них знаем. Была бы моя воля, я бы вернулась в тот день, закрыла бы глаза и уши и умолила бы Маришу никогда больше мне этого не показывать и самой не смотреть. Но воли моей изменить жизнь нет. Все было, как было.

Теперь я знаю, что он ее зовет почему-то Дари. По крайней мере, так подписывает фотографии. И как поставили Илюша Комолов и Дари Кучкина в Сеть фотографию своей первой встречи, так с той поры публично проживают почти

каждый день, как настоящие звезды. Сейчас многие так делают, но что так будет жить Илюша, я бы раньше никогда не поверила. При желании можно быть в курсе всего – какие у Дари ночнушки, какие трусики, какие на них стразы, кружева и надписи, а на кухне – чашки и кастрюли, какое покрывало на их кровати, какого цвета постельное белье, полотенца, я уж не говорю про букеты цветов, какими одаривает ее Илюша, и про маршруты их путешествий. Набираешь в поиске «Илья Комолов» – и выходит всё-всё-всё про их жизнь. Точнее, всё красивое про их жизнь. Поверить, что у них именно такая жизнь, без проблем, ссор и болезней, я почему-то не могу.

Однажды я села и решила все понять про своего бывшего мужа. Может быть, я как-то не так себе его представляла? Зря думала, что он мой человек? Ведь не мог мой человек взять и уйти от меня. Это же абсурд.

Ничего я нового из фотографий про Илюшу не поняла, просто целый час смеялась, плакала, снова смеялась. Еще раз внимательно рассмотрела ту самую первую фотографию, около салона с антикварными предметами. Илюша показывает всем свою новую трубку, а Дари фотографирует его и себя. Волосы длинные, ниже круглой попы, губы огромные, красные-красные, глаза так сильно накрашены, что кажутся на пол-лица, короткая юбочка с цветком на боку открывает ноги, их искажает камера, но всё равно видно, что ноги – ничего...

Как раз после этой встречи, как я только теперь поняла, Илюша сбрил усы. Пришел к нам возбужденный, с горящими глазами и без усов, которыми так гордился всю жизнь. В молодости они придавали ему солидности, в возрасте – загадочности и импозантности. Без усов он оказался простоватым, зато помолодел.

– Где усы? – спросила я на правах бывшей жены.

– Тю-тю! – весело ответил мне тогда Илюша. – Новая жизнь началась!

– Давно? – на всякий случай спросила я.

– Вчера! – сказал Илюша. – Мне, Оль, кажется, очень повезло!

– Большие деньги? – уточнила я, хотя по его глазам видела, что речь о другом.

– Большая любовь, Оль, большая любовь. Тебе не понять, но в мире, кроме денег, есть любовь.

Когда Илюша успел стать таким – не знаю. И кому повезло больше – неизвестно. Но уже через год у них родилась Аглая, сводная сестра Мариши. После рождения маленькой девочки Илюша внятно охладел к Марише, это понятно. Но продолжал помогать, иногда ходил с ней в театр или ресторан. Особенно странно мне было, когда Илюша с вечера выкладывал в Сеть свои фотографии с голым торсом и с полуобнаженной молоденькой женой, а утром приезжал повидаться с Маришей. Но я не возражала. Сама я его не вижу уже несколько лет, к нам он не заходит, ждет Маришу у подъез-

да. Иногда разве что разговариваю с ним по телефону.

Илья иногда вдруг сам звонит и заводит разговоры, цель которых мне неясна. Спрашивает о здоровье, о планах на выходные, о том, все ли хорошо у меня на работе, не обижают ли меня коллеги и начальство, не доводят ли дети. Я никогда не знаю, как отвечать на эти вопросы, потому что рассказывать честно и подробно смысла никакого нет – позвонить в следующий раз он может через полгода, а не отвечать вроде как неудобно – человек интересуется моей жизнью. Не чужой вроде человек, родственник. Я продолжаю ощущать наше родство, ведь у моей дочери – его кровь, его гены.

«У твоего отца юбилей. Тебя тоже приглашают. Приходи, это будет для него сюрприз», – писала Дари в сообщении, которое молча показала мне за завтраком Мариша. Почему сюрприз, мне было неясно. Они только вчера общались по телефону, долго, Мариша подробно рассказывала отцу об учебе, и, как я поняла, Илья очень беспокоился, не устает ли Мариша, хватает ли ей денег, которые он переводит ей на карточку.

Мариша пыталась советоваться со мной – идти ли ей к отцу на юбилей, но я лишь пожимала плечами, не хотела решать за нее. Дочка колебалась-колебалась и решила пойти. Я считала, что это совершенно правильное решение. Ну и что, что она никого там не знает. Она знает своего отца, и это главное.

Подарок мы придумали великолепный, причем заранее, еще не зная, что Маришу пригласят на торжество. Мариша сама сверстала ему на компьютере календарь на следующий год и отпечатала в студии – из фотографий самых красивых минералов, о существовании которых многие даже и не догадываются. На них можно смотреть до бесконечности, как на небо или на воду. Все оттенки золотого, розового, фиолетового, зеленого – в Маришиных любимых камнях.

Я вернулась к Дому литераторов, зашла вовнутрь.

– Закрытое мероприятие сегодня, – заметил охранник, заграждая мне проход в вестибюль. – Вы в какой зал? В большой или в малый?

– На юбилей, – осторожно ответила я.

– Закрытое мероприятие, – лениво прокомментировал охранник. – А во втором зале ничего нет.

– Можно пройти?

– Пригласительный показывайте.

– У меня нет.

Охранник пожал плечами: «Не положено» и отвернулся.

Мимо меня прошла, махнув пригласительным, пара. Он, маленький, кругленький, в смокинге и с блестящей бабочкой, она – в длинном платье, меховой накидке, с крупными бриллиантами, высокой прической, голой спиной аж до копчика, полупрозрачным шлейфом, вколотой в голову диадемой. Как среди таких дам будет выглядеть Мариша, которая взяла с собой сшитое мною платье – прелестное, неж-

ное, цвета сливок, фасон которого я постаралась точно снять у французской кинодивы, но все равно простоватое рядом с такими барынями... Ладно, хоть туфли золотые... На выпускной я уговорила ее купить такие туфли, только потому что Маришина голова была тогда занята предстоящими экзаменами, и у нее не было сил бороться с моей, по ее выражению, скрытой мелкобуржуазностью.

Но главное – как моя дочь будет чувствовать себя в таком враждебном ее убеждениям окружении? Не возьмется вести агитацию и пропаганду и подговаривать официантов все бросить и убежать вместе с ней? Объединяться с мировым пролетариатом и вести борьбу до победного конца, до того момента, пока в мире не останется нищих, у которых шатаются зубы от голода, и богатых, икающих от обжорства.

«Мам... Может, я уйду?» – очень кстати написала мне Мариша, когда я провожала взглядом эту пару, удивляясь своим собственным мгновенно пролетевшим мыслям. «Тут просто ужас. Одни буржуи. Что мне здесь делать?»

«Поздравлять папу», – ответила я.

«За хлеб с маслом?»

«Грубо. Но и за это в том числе».

«Еще за что?»

«За то, что ты есть. Я не буду отвечать на такие странные вопросы».

«Хорошо. Не сердись».

У Мариши замечательный характер, наверное, лучше, чем

у меня. Покладистый в меру, в меру задиристый – когда нужно. Это не очень помогает с подругами – их нет. Но в Маришином окружении ни у кого нет надежной верной подруги. Девочки дружат стайками, по интересам, сильно не сближаясь. В основном каждый за себя, для себя, и каждый живет своей жизнью.

Я вышла на улицу, решив немного подождать. Если Мариша еще раз напишет мне паническое сообщение, я соглашусь с ней, и мы вместе уйдем отсюда. Я стала разглядывать афишу Дома литераторов. Концерты, творческие встречи... Давно я не была на концерте. В прошлом учебном году Мариша готовилась к поступлению в МГУ, занималась помногу часов в день, а я ей, чем могла, помогала. Не обременяла домашними заботами, подрабатывала потихоньку, стараясь, чтобы она не догадалась об этом. По моей нынешней специальности подработать очень трудно. Поэтому я искала подработку, где придется.

Я работаю в Доме творчества, веду занятия в «Мастерской природы». У меня занимаются и дети, всех возрастов, и взрослые. Есть семейный клуб по субботам, куда приходят мамы и бабушки вместе с детьми. Подработать я могу, продав какую-нибудь картинку или фигурку из листьев, мха, крупы, шишек. Делать такие вещи люди любят, а покупать чужие изделия – не очень. Поэтому я берусь за другую работу, если совсем не хватает денег.

В прошлом году, когда нужны были деньги на репетиторов Марише, я договорилась на ставку уборщицы в нашем же Доме творчества, и приходила рано утром, пока не появились другие сотрудники, чтобы убраться. Все равно кто-то увидел, узнал, стал косо смотреть, приятельница моя из соседнего кабинета, Татьяна, наоборот, стала звать на чай, подкармливать. Мариша об этом не узнала, благополучно поступила в МГУ, на факультет геологии, как и хотела, на «бюджет». Может быть, она и без репетиторов сдала бы, но я хотела, чтобы наверняка.

Полы у нас на работе теперь моет молодая узбечка, с которой я подружилась, ее двое детишек приходят ко мне на занятия, за одного она даже умудряется платить, второй ходит «партизаном», бесплатно. Нас проверяют редко, и мне очень жалко приятную женщину, которая пытается дать своим детям все, что может. Я не уверена, что мои занятия как-то помогут им в жизни, особенно в Москве. Но вдруг они вырастут и уедут – к себе, туда, где весь год лето и сейчас ничего не растет. Потому что некому поливать и собирать урожай.

Мариша поступила, и мы поняли, что даже зря так переживали. Проходной балл был невысокий, еще ниже, чем в прошлом году, некоторые, поступившие на платное обучение, сдали экзамены на все тройки. Маришин выбор для меня не был сюрпризом, но пока остается загадкой. Я очень рада, что она учится в лучшем вузе страны, да еще и в главном

здании. Я училась на биофаке, тоже на Ленинских горах, но наш корпус был на земле, отдельно, чуть в сторонке, напротив Ботанического сада МГУ. Я пять лет ходила и смотрела на главное здание, и великолепное, огромное устремленное ввысь строение всегда было для меня символом науки – в лучшем смысле этого слова. И теперь там учится моя дочь.

Мариша больше всего на свете любит красивые минералы. Может часами рассматривать их картинки, читать описания. Рационального объяснения этому у меня нет. Возможно, кто-то из предков занимался самоцветами – искал, добывал или обрабатывал... Я знаю, что часть наших очень дальних родственников живет на Урале. К сожалению, таких дальних, что найти их невозможно.

Я предлагала Марише подумать о каком-то более реальном образовании – не экономическом и юридическом, конечно, но, например, получить профессию инженера-строителя. Дома и дороги люди будут строить всегда, при любом режиме. А в своей любви к минералам можно было бы ограничиться коллекцией бус, которые у нее скопились, потому что когда у ребенка есть явно выраженное хобби, с подарками все просто. Все без исключения дарили и дарят Марише бусы, браслеты или минералы на подставке. Я всерьез предлагаю даже подумать ей о выставке – чего только у нас дома нет. Маришины минералы занимают целую стену – четыре полки длиной полтора метра.

После развода с Илюшей через некоторое время мы про-

дали двухэтажную квартиру и переехали в более скромную, в хорошем зеленом дворе. За нее не нужно было столько платить в месяц, и из ее окон не был виден Илюшин новый огромный белый катер, на котором он теперь катает молодую жену.

Теперь, правда, нас обещают выселить в промзону, где построены страшные чудовищные коробки, сорокаэтажные, чьи окна смотрят в другие окна, потому что коробки как будто сложены вовнутрь себя, а также на магистральную трассу, на карьеры с песком и на... тюрьму. А в нашем дворе будут строить малоэтажное «элитное» жилье. Мариша с трудом проходила курс обществознания в одиннадцатом классе, где приходилось изучать «типы элит», зазубривать преимущества «рыночной экономики», а попросту капитализма, который Мариша отрицает.

Я пыталась понять, что это – раннее политическое сознание вдруг проснулось у моего ребенка, или просто обычный юношеский протест против того, что объявлено нормой на сегодняшний день? Пока пыталась, вдумываясь, вслушиваясь в то, что она говорит, как-то незаметно прониклась ее идеями и сама. В моем обиходе появились новые слова и понятия, и, главное, как-то постепенно стал меняться и сам взгляд на происходящее вокруг меня. Не учат яйца кур, но точку зрения меняют... Покатилось твое яичко в сторону, ты, пока за ним бежал, на все по-другому посмотрел, курятник свой издалека увидел...

Иногда мне кажется – вот будь у меня сын, всё было бы по-другому. Не ушел бы так легко Илюша. Не смог бы развернуться, сказать «Пока!» и зажить своей, новой жизнью. Но с сыном мы вряд ли бы так дружили, как с Маришей. Дружить-то мы дружим, а отправилась ведь она на юбилей одна... А как бы поступил сын?

Мне не дает покоя, что меня не пригласили. Ведь я бы и не пошла! Хоть бы Илюша сказал: «Я жизнь нашу помню, выкинуть ее из памяти не могу, но, ты понимаешь, неудобно, если ты придешь... А я рад бы был тебя видеть...» Я все это придумываю, никогда бы Илья так не сказал. Но именно сегодня мне почему-то все вспоминается и вспоминается наша с ним жизнь. Я ничего не понимала и не видела, жила внутри своей любви...

Я остановила самоедские мысли. Погода – волшебная. Не промозгло, не дует, не капает. Но довольно прохладно, и поэтому есть, чем дышать, – диоксид водорода, который извергают тысячи машин в центре, поднимается выше – к небу, на сороковые этажи, где меня нет и никогда не будет, я так далеко от земли жить не могу. Если будут переселять насильно, я лучше уеду в Подмосковье, в такую же пятиэтажку, но просто подальше от Москвы.

Чувствуется запах прелых листьев. Москва – сказочный город. Сказочки бывают разные, и страшные в том числе. Например, японские. Или наши, Афанасьевские, целый цикл сказок – страшный, со смертями, восставшими покойника-

ми, беспокойными и опасными...

И пошла я прочь от Дома литераторов. Нечего мне тут делать. Стоять, как нищенке, и думать о том, как быстро прошли пятнадцать лет моей молодости и единственной в жизни любви? О том, что все это было как страшная сказка – начиналось хорошо, а в конце всех съели или убили, разрезая по кусочкам и бросая эти кусочки в огонь? Особенно мелко нарезали сердце...

Я заставила себя смотреть по сторонам. Когда я еще буду так без особой цели гулять по вечерней Москве в центре? Ведь здесь стало так красиво. Осень, темнеет рано, уже включили свет. Ночная подсветка меняет привычный облик города. Днем видно, что многие здания обшарпаны, окна разные, что-то надстроено наверху, по-московски, как водится, – безалаберно. Но сейчас так красиво были высвечены повторяющиеся архитектурные красоты, излишества, украшения, что я не узнавала привычные места.

Что-то пролетело перед глазами, и я не поверила. Первый ранний снег... Как рано в этом году... Разве бывает снег в сентябре? Да, бывает... Земля Скифия, как писал Геродот, где полгода зима, морозы и летают перья в воздухе. Снег, который всегда выпадает внезапно, есть символ переменчивости и суровости нашего края. В городе, если успеваешь правильно одеться с утра (чего не скажешь сейчас обо мне...), почти забываешь об этом, а попробуй пережить зиму без горячей воды, электричества и газа, сразу поймешь, почему ев-

ропейские народы не очень-то и хотели осваивать эти бескрайние просторы, а все кучковались на небольшом участке суши, где зимой плюс семь, а лето долгое и стабильно жаркое, а не по вдохновению, как у нас.

На моих глазах снег укрыв листья, землю, все мгновенно стало белым... Пока ведь не насыпают реагенты – никто не ждал снега в это время... Как бы жить так, чтобы не думать о Геродоте, реагентах, европейцах, завистливо заглядывающих на нашу огромную карту, забывая по малограмотности о том, где проходит линия вечной мерзлоты... Не думать о серьезных тягомотных вещах, неразрешимых, угнетающих, рисовать на снегу бабочек, ходить на фитнес для взрослых, упиваться чужими страстями по телевизору или мечтать о своих. Мечтать, вспоминать о любви, которая была или только казалась...

Как Илюша не любил подобных разговоров! В юности, наверное, мы говорили обо всем подряд. Как-то трудно теперь это восстановить в памяти. Но со временем он стал одергивать меня: «Не порть настроение себе и мне!..» И я понимала, что он прав. Он прав просто потому, что он мой человек. Я ведь выбрала себе такого человека, которого буду любить больше себя. Кажется, в этом и заключается любовь.

Думая, вспоминая, разглядывая красоты ночной Москвы, я прогулялась по Тверскому бульвару, жалея лишь о том, что нет со мной сейчас Мариши, не разделить впечатлений. А без этого они сворачиваются, скукоживаются – удивитель-

ное свойство. Поэтому тянешься за камерой, чтобы потом кому-то еще показать то, что так порадовало тебя.

Я пошла было к метро... да взяла и вернулась на Большую Никитскую. Зачем? Сама не знаю, ноги повели. Я подумала – дойду до консерватории, посмотрю, что там... Сто лет не была в консерватории. Тем более одна. С маленькой Маришей мы выбирали концерты ей по силам, чтобы не было скучно. Мариша привыкла постепенно к классической музыке, даже полюбила ее. Только времени теперь на концерты не хватает. А одна я пока ходить никуда не привыкла. Надо приучаться! Это я поняла сегодня, глядя, как дочка уверенно идет туда, куда пригласили ее одну, без меня.

Всё, любящая добросовестная мать, хватит, ребеночек вырос... Приучайся теперь быть одна. Заводи себе кота или собаку. Попугая, хомяка... Нет, пожалуй, с хомяком это я перебрала. Надо такое животное, чтобы с ним можно было разговаривать. Мужчину, например, хорошего, неболтливового, похожего на Илюшу – в молодости, не сейчас...

Я улыбнулась собственным резвым мыслям. И с чего бы моим мыслям быть такими? Сама-то бреду еле-еле... Взглянула на часы – без трех семь, постояла у памятника Чайковскому, глядя, как люди спешат на концерт. Афиш много, не поймешь, что сегодня, у входа висит афиша концерта знаменитого певца, который будет только через две недели.

Не особо раздумывая, я подошла к женщине, державшей перед собой веером билеты.

– Я подешевле отдам, – обрадовалась та, потирая замерзшие руки. – На сегодня. Пойдете?

Я видела в открытую дверь, что в кассу стоят человека четыре, и кивнула. Билеты оказались в партер, совсем близко, и на самом деле дешевые. Я с подозрением взглянула на женщину, продававшую мне билет.

– Все хорошо с билетами? Почему так дешево?

– Да не переживайте! Замена же!

– А что должно было быть? И что будет взамен?

– Так орган же! Бах... Идите, не пожалее!..

Женщина просто силой втокнула мне в руки билетик.

Ладно, решила я, посижу минут двадцать, станет скучно – уйду. То, что может быть скучно, я не сомневалась. Не посижу я сейчас со своими мыслями полтора часа на классическом концерте. Была бы скрипка хотя бы, хватала бы за душу, теребила бы, отпилила бы, может, до конца сухую веточку под названием Илюша Комолов, человек, который от счастья обладать Дари Кучкиной сбрил свои прекрасные пшеничные усы... Или играл бы симфонический оркестр – увлек бы меня за собой, затопил бы лавиной музыки, оглушил бы, лишил бы способности размышлять о том, что в принципе непостижимо – почему все так...

Хотя органные фуги Баха, наверное, мне сейчас были просто показаны. Послушаю немного мировую гармонию, иногда это то, чего очень не хватает в бесконечной суете. А сегодня уж точно. Когда попадаешь в невыразимый и необъяс-

нимый словами мир классической музыки, собственное одиночество растворяется в этом мире.

С чего бы это мне быть одинокой? Спросила я сама себя. Второй раз думаю о себе в контексте одиночества. Вот как на меня повлиял Илюшин юбилей. Даже зря я поехала с Маришей. Зачем? Чтобы удостовериться, что меня там не ждали? Так это и сразу было понятно. Я думала, наверное, не отдавая себе отчет, – вот увидит Илья Маришу, скажет: «О, дочка, а где же твоя мама? Ты что, одна ко мне на юбилей пришла? Неужели мама не хочет меня поздравить?» Мариша мне позвонит, а я тут неподалеку, и совершенно случайно в красивом темно-синем платье, с белой розой, которую я сама сделала из льна, с фиолетово-синим жемчугом – ненастоящим, конечно, такого жемчуга в природе не бывает, но очень красивым... Вот бы смех был – среди барынь в меховых горжетках появилась бы я, дива в синем платье с розой из льна. Ручной работы...

Хотя, если серьезно, я умею подбирать вещи, украшения, умею придумывать костюмы. Это, к сожалению, не моя профессия, но моя суть, возможно, призвание. Когда я вижу человека, я его мысленно украшаю – причесываю так, чтобы ему шло, наряжаю. Когда же я захожу в тканевый магазин, то во мне словно включается целая артель обычно дремлющих художников. Я одновременно придумываю несколько костюмов, платьев, перебирая ткани, трогая их, прикладывая одну к другой, и не могу никак уйти.

Я шью себе и Марише. Больше никому не шью. Как-то уж так повелось еще с тех пор, когда мы жили вместе с Илюшей. Его невыносимо раздражало шитье – если какая-то нитка прицеплялась к его брюкам, он просто взвизывался. Если на полу вдруг валялась булабочка, которой я закалывала скроенное, он тут же хватался за пылесос, потому что всегда ходил дома босиком. Я видела, что его раздражает и сам процесс шитья, и самодельная одежда, которая у меня получалась отлично. И шить я перестала, хотя до встречи с ним всегда шила. На портниху я не училась, даже мыслей таких не было. Я окончила биофак МГУ, училась хорошо, два года поработала учителем в школе, вела предмет «Окружающий мир», но потом родилась Мариша, и в школу после декретного отпуска я больше не вернулась.

Когда Илюша ушел, я потихоньку снова стала шить, но только себе и Марише.

Все чаще и чаще я думаю – а вот почему бы мне не открыть свое ателье? Но я совсем не «бизнесмен», я художник, по призванию, и еще, как выражается моя дочь, – ботан, самый настоящий, с ударением на первый слог. Наверное, есть где-то место, где я могла бы реализовывать все свои мечты и придумки, но я пока этого места не знаю и найти не могу.

Художников по костюмам и модельеров – пруд пруди, каждый год выпускаются и выпускаются новые. И найти место, где мне скажут: «Сиди и рисуй, придумывай, а мы будем делать всю работу, на которую не требуется фантазии и при-

думки», я пока не могу. А может, и нет такого места. Надо это место организовать самой, но я не умею считать деньги. Ничего хорошего или почетного в этом нет. Это бред, но это так. У кого-то спина кривая, у кого-то все из рук валится, руки-крюки. А у меня улетучиваются деньги и никакие финансовые схемы в голове не помещаются.

Подростая Мариша пытается считать, планировать бюджет, что-то откладывать, а я трачу собранные деньги. Не совсем впустую, конечно. Но и не с умом. Точнее, у меня ум другой. Я этим не горжусь, раза два в год серьезно берусь за самовоспитание – как некоторые садятся на диету или начинают ходить в тренажерный зал. А я пытаюсь планировать, расписывать расходы, каждую копейчку учитывать, не покупать лишнего... Это тошно и нудно и превращает жизнь в заплесневелую бухгалтерскую книгу, в которой когда-то спрятали котлету, она сначала стухла, потом присохла к страницам, промаслила их, и запах – от стухшей забытой котлеты – навсегда остался в твоих жалких расчетах.

Приблизительно на этом месте мои попытки экономить и расписывать жизнь по копеечке заканчиваются и забываются на полгода. Пока я не обнаруживаю, что на отпуск ничего не отложено, сапоги новые не на что купить, зато в коридоре стоят-красуются два мешка материалов для рукоделия. Делай руками красоту и живи впроголодь... «Нет! Так не пойдет», – говорю я и достаю свою тетрадку для записи расходов. На самом деле прелестную тетрадку с переливаю-

щимися бабочками на обложке, никакой засохшей котлеты там внутри нет... Слезы есть. Пара слезинок, пророненных по слабости душевной. Иногда на самом деле становится до слез обидно, что твоя работа, вроде бы и востребованная, не приносит тебе никаких материальных благ.

Кому нужен мой кружок «Мастерская природы»? Много кому. В этом году даже пришлось отказать трем-четырем мамочкам, которые очень хотели, чтобы их дети ходили в наш клуб, и сами рвались приходить по субботам, когда у нас собирается семейный клуб. В группе не может быть больше двадцать пять человек – физически нет места. Некуда сесть, негде разложить свои тряпочки, опилки, сухие листья, из которых ты хочешь делать что-то красивое. А еще есть два «партизана». Крохотная дочка Манумы с удивительно умелыми ручками и шестая дочка одной нашей многодетной. Отказать ей не могу.

Есть человек, с которым лучше не заговаривать о моей работе. «Ничего более убогого, чем делать из шишек и крупы картины я представить не могу», – сказал мне однажды Илюша, совершенно не желая меня обидеть, а даже наоборот, сочувствуя мне и желая как-то советом помочь.

Размышляя о своей жизни, разглядывая людей, мгновенно переодевая их в голове во что-нибудь поинтереснее, я походила по фойе, концерт немного задерживали.

Наконец открылись двери, и я прошла и села во второй ряд, у прохода, куда, получается, просто чудом купила билет.

Наверное, женщина продавала пригласительные, так теперь бывает. Артистам дают пригласительные с местами, они их продают, чтобы хоть чуть-чуть подработать. Особенно если пригласить особо некого.

В зале было много народу, но не все места заняты. Сцена была пуста, в глубине стоял лишь орган. Свет погас и раздался голос из динамика: «Начинаем концерт заслуженного артиста Российской Федерации Алексея Мишечкина...» Я не ахнула, потому что просто не сразу сообразила. Ахнула, только когда на сцену вышел не очень высокий, ладный, стройный, чуть начавший сесть человек, которого я отлично знала. Давно когда-то знала. Алёша Мишечкин, так внешне похожий на моего Илью. Раньше был похож, сейчас Илюша расплылся, раздобрел, Алёша же остался таким же стройным, как в молодости.

Мне вдруг резко расхотелось слушать концерт. Алёша раскланивался – люди хлопали так радостно, как будто именно его и ждали, а не случайно попали на замену.

Я встала и пошла прочь по залу. Наверное, артисту, который вышел играть и вежливо поклонился своим зрителям, не очень приятно видеть спину человека, решившего уйти еще до начала. Может быть, этому зрителю стало плохо... Или он что-то потерял и пошел искать...

Ну да. Мне стало как-то плохо от неожиданной встречи. И еще я знаю: то, что я потеряла, – не найти. Поэтому я быстро дошла до высоких центральных дверей, уже закры-

тых. Там секунду помедлила, потом повернулась и пошла обратно. Конечно, Мишечкин меня видел. Вряд ли узнал, ведь мы не виделись столько лет. Люди говорят, что я не изменилась, но я-то сама себя в зеркале не всегда узнаю. В обычных зеркалах – да. Даже знаешь зеркало, в которое лучше не смотреть, если плохо спала или расстраивалась. Пробегу утром мимо этого зеркала, и быстрее в ванную, где свет неяркий и идет сбоку, там я очень хорошо смотрюсь. Такая вполне себе симпатичная... Глаза добрые, лицо улыбочливое... Грустноватое, но улыбочливое, улыбка близко...

А в незнакомом месте иногда видишь себя и думаешь: вот тетка уставшая – в платье, как у меня... Так нет! Это же я сама! Уставшая и грустная тетка, которой не жаль тратить свою единственную жизнь на грусть о том, чего не вернешь. И вопрос – стоит ли возвращать.

Я быстро села на свое место, на которое уже нацелился мальчик, сидевший с бабушкой рядом. Скоро я поняла, почему ему понравилось мое место. Он все время тайком от бабушки ел и норовил вытянуть ноги то под переднее кресло, то в мою сторону и поспать. Бабушка есть и спать ему не давала – первые пятнадцать минут. А дальше я уже не обращала внимания на соседей. Потому что меня просто захлестнула музыка.

Пока мне еще мешал мальчик, я вспоминала, как познакомилась с Алёшей и вскоре – с Ильей. Алёша Мишечкин учился тогда в аспирантуре в консерватории и был милый,

начитанный, застенчивый, упорный в своем деле. И все бы, наверное, пошло по-другому, если бы не внезапно вспыхнувшая влюбленность в Илюшу. И не потому, что родился ребенок, – ведь Мариша появилась у нас не сразу. То, что Илюша – мой человек, я поняла быстро. А Алёша... Слово это на самом деле – его. Это он мне так сказал когда-то: «Ты, Оля, просто мой человек. На всю жизнь».

Мне очень понравились эти слова. Тем более что Алёша меня почти не знал, ни разу не целовал, лишь все время смотрел на меня, слушал, что-то говорил сам и все заглядывал в глаза. И как-то быстро понял, что я его человек. По глазам, наверное. Мне было приятно и хорошо с ним. Мы гуляли, Алёша водил меня на бесплатные концерты к своим однокурсникам и знакомым, мы почти каждый вечер слушали где-то музыку, потом он провожал меня домой. Я жила с бабушкой. Мои родители работали на Севере, на Севере же несколько лет назад оба и умерли, один за другим, толком так и не познакомившись с Маришей, видели ее всего два раза в жизни.

А моя бабушка тогда смотрела на нас в окно со второго этажа, где мы жили, махала рукой, звала Алёшу пить чай. Он никогда не поднимался. Однажды дошел до самой двери квартиры, бабушка уже открыла нам дверь, а он поздоровался, постоял за порогом и отчего-то ушел. Я знала, что он стесняется и боится, что не понравится бабушке. Такое серьезное отношение ко всему меня немного пугало. Ну не

понравится и не понравится – и что?

Наверное, я не была готова попасть в плен такой дружбы или любви, не знаю, что бы из всего этого вышло. Что бы было, если бы в парке ко мне не подошел Илья. И тогда уже я, вспомнив хорошее Алёшино определение, сказала самой себе: «Вот мой человек». С Алёшей попыталась сразу расстаться, чтобы не вводить его в заблуждение. Но это оказалось не так-то просто. Алёша приходил и стоял у меня под окном. Не каждый день, но часто. И в любую погоду. У меня дома был телефон, но Алёша мне не звонил. Стоял и ждал, пока я выйду или хотя бы посмотрю в окно. Иногда он не приходил по нескольку дней. Тогда я ругала себя и думала – вот, наверное, он простудился и заболел. Простоял же позавчера три часа под окном. Зачем? Ведь все ясно. Ведь пути назад нет, я уже встретила своего человека, самого лучшего, самого хорошего, самого близкого. Илюшу...

Я так долго была счастлива с ним, что перестала остро ощущать это счастье, думала – вот это и есть жизнь. Обычная, как у всех. Когда тебя любят, смотрят на тебя с любовью, как бы ты ни выглядела, когда любишь, ты и живешь этой любовью. Когда ты нужна постоянно – как друг, как женщина, равных которой нет. Так говорил Илья, и у меня не было причин ему не верить. Он на самом деле любил меня.

Алёша перестал однажды приходить, а я пропустила этот момент. Вдруг поняла – ведь я его не вижу уже недели три или даже месяц. Я хотела ему позвонить и все откладывала.

Думала – сам позвонит. Или поинтересуется, как у меня дела, или спросит с надеждой – не передумала ли я, не ошиблась ли в своем выборе. Но он не звонил. Однажды, через пару месяцев, я встретила его в парке, когда спешила к Илье на свидание.

Я надела новое светлое пальто, у меня было такое прекрасное настроение, что мне хотелось любить весь мир. Все вокруг казались добрыми, приятными людьми. Почему-то я очень хорошо помню этот день, он как-то высветился в памяти и так в ней и остался. Алёша, увидев меня, невольно разулыбался и остановился. Потом как-то смутился, неловко махнул рукой, поздоровался, взглянул таким сложным взглядом... Во взгляде его было всё – и обида, и надежда, и обреченность... Не знаю, может быть, я все это придумала, причем уже потом, когда вспоминала эту встречу, точнее, она сама вспоминалась.

Я никак не могла забыть его взгляд, чувствовала себя виноватой, не знала, что надо сказать или сделать, чтобы это чувство вины прошло. И не сделала ничего. Я решила – все вылечит время, а я помочь ему не могу. Он, наверное, хороший человек, но не мой. Даже когда он играл, прекрасно, вдохновенно, я никак не могла проникнуться к нему ничем, кроме приятной симпатии. Тем более что он не проявлял никакой настойчивости. Одно время я думала – может быть, мы просто друзья? Ведь бывает же так... Иногда, где-то... у кого-то... Но потом, когда Алёша несколько недель подряд

приходил и стоял у меня под окнами, я поняла, что все-таки мы были не просто друзья.

Сейчас я слушала музыку, вспоминала все, а потом музыка унесла меня в какой-то иной мир, где другие законы, другие категории. Не случайно так трудно найти слова или совсем невозможно, чтобы описать музыку. Потому что она – из иного мира. Там другое время, другое пространство, все другое. Иногда мне кажется, что на земле музыки когда-то было гораздо больше. Может быть, люди не разговаривали – пели. У кого-то так и осталась эта бесконечная потребность в том, чтобы жить внутри музыки, слышать ее все время, пока бодрствуешь и даже когда спишь.

Алёша мне рассказывал, что во сне ему снится удивительная музыка, днем он ее не помнит, но ночью узнаёт. Мне это раньше казалось диковинным, любопытным и... совершенно чужим. Странно, сейчас бы я так не подумала... Но неизвестно, рассказал бы мне об этом сейчас Алёша или нет. Мне кажется, что такой человек, как он, довериться может только раз в жизни. И если уж обидится – то на всю жизнь. Я и сама такая.

Алёша играл Баха, что-то я раньше слышала, что-то слышала впервые или не узнавала на органе. Странное у меня было ощущение. Совершенно пустая сцена, на которой в глубине стоит лишь орган. За ним сидит человек, которого совсем не видно. И раздаются волшебные, удивительные звуки, уносящие меня, увлекающие за собой, заполняющие полно-

стью, так, что я никак не могла сосредоточиться на какой-то конкретной практической мысли. Например, что сейчас делает Мариша? Надо ли ей позвонить, поинтересоваться, как дела, не обижают ли ее там дамы в горностаях и соболях? Но эта мысль, скользнув, тут же исчезла...

И я понеслась вслед за бесконечной, мучительно прекрасной, никак не подходящей к разрешению, все крутящейся и крутящейся вокруг главной, основной ноты, к которой все должно прийти, ради которой все и затевалось, музыки... Музыка обрушивалась на меня водопадом, искрилась, звенела, светилась в голове, все рациональные мысли погасли, растворились в ней, и сама я растворилась, не зная, долго ли, коротко ли звучит новая прелюдия и новая фуга...

Первое действие закончилось так быстро, что я поначалу решила – что-то произошло, а посмотрев на часы, ахнула. Нет! Как? Я совсем потеряла ощущение времени? Прошло целых полтора часа. Точно – в том мире, где живут эти звуки, – другое время, течет по-иному, его не чувствуешь вообще.

В антракте я немного отошла от волшебного ощущения, постепенно потекли здравые мысли. Интересно, как жил Алёша, есть ли у него семья – наверняка есть, одна ли семья, или он тоже поменял старую жену на новую? По возрасту как раз пора... Сколько детей, музыкальны ли они? Где он живет? В России? Или же, как многие музыканты, – в Германии или Франции, а здесь лишь наездами? Сыграет пару

концертов, да и домой – туда, где никто не знает его родной язык, но зато знает другой язык, на котором Алёша так совершенно изъясняется...

Походив по холлу, спустившись вниз и поднявшись обратно, я решила уйти. Зачем мне это? Мне хватает переживаний. Точнее, у меня особых переживаний нет, серьезных... И я вовсе не хочу никаких лишних тревог. У меня практически взрослая дочь. Вот, только что написала: «Мам, ты как? Мне скучно, но я держусь...» «Мам...» Не «мамуль...» «Мам!» «Держусь...!» Держится она. В бальном платье, среди расфуфыренных бездельниц в бриллиантах и изумрудах, моя Маришка – держится!

Я остановила свои раздраженные мысли. Отчего я так раздражена? Я подошла к зеркалу. Вполне красивая, по крайней мере симпатичная, стройная, то ли грустная, то ли просто очень серьезная женщина в изящном темно-синем шелковом платье, льняная белая роза так хорошо гармонирует с кожей, нитка фиолетового жемчуга, лежащая ровным полукругом... Женщина взглянула на меня встревоженно и побыстрее отвела глаза. Да, тяжело иногда говорить с самой собой.

Я увидела двух нарядных девушек – в длинных, почти до щиколотки, платьях, одна – в черном, другая – в шоколадном. Я их заметила еще в начале антракта и подумала – вот как надо одеваться в консерваторию, нарядно, торжественно. Одежда выражает наше отношение к окружающему ми-

ру – презираю я или уважаю всех, хочу обратить внимание на свою персону или спрятаться, подчеркнуть исключительность или, наоборот, слиться с толпой, быть одним из многих, похожих...

Я загадала – если первой войдет в зал та, что в черном, я повернусь и поеду домой. Если в шоколадном – пойду на второе действие. У дверей они как-то замешкались, что-то сказали друг другу, засмеялись... повернулись и быстрыми шагами ушли прочь, к лестнице, по которой надо спускаться в гардероб. Я успела заметить длинные, неправдоподобно большие золотые серьги у одной, сильно накрашенные губы – у другой. Помада, ярко-красная, фосфоресцирующая, увеличивала и без того не маленький рот девушки. Я услышала легкий, почти безобидный матерок – та, что была похожа на длинный брусочек слегка размякшей молочной шоколадки в своем платье из тонкой замши, вскользь, не зло обругала Алёшу, Баха, консерваторию, меня в числе остальных зрителей, оставшихся слушать дальше.

Я никудышный психолог, хоть и работаю с детьми. Дети – это другое. Поэтому я и не берусь за организацию своего дела – прогорю тут же. И не из-за лени или безалаберности. Из-за своей чрезмерной доверчивости и близорукости. Из-за того что по доброте своей какашку могу ненароком принять за растаявшую шоколадку.

Мне-то они показались – со спины – такими завсегда-таки консерватории... по крайней мере платья у них были – за-

всегда тайские! Несостоявшийся пока модельер внутри меня вздохнул – не пойму, как скроено. Что там впереди – складка, втачка, выточка – почему так изумительно сидит? Или это такой изумительный материал, обнимающий твою фигуру, как никто и никогда ее не обнимал, прижимаясь каждой своей клеточкой? Илюша меня обнимал. Но как именно – я уже не помню. Так давно это было – в другой жизни.

Я неторопливо прошла по проходу, села на свое место, порадовавшись, что нет моих соседей – мальчика, который всё время хотел есть, и его бабушки или няни.

– Прости, – услышала я сзади шепот, – ты была на первом отделении?

Я обернулась.

Мужчина, чуть постарше меня, с рябоватым неровным лицом, живыми ярко-синими глазами, как будто с другого лица, плохо очерченным ртом, дрябловатым подбородком, но довольно густыми каштановыми волосами, в которых еле-еле стала намечаться проседь на висках, улыбался.

Я покрутила головой, чтобы удостовериться, что он смотрит на меня. Да, на меня. И так, как будто он по меньшей мере – мой одноклассник или дальний родственник, который приехал в Москву, собственно, именно из-за меня.

– Вы мне?

– Тебе.

– Почему на «ты»?

– Значит, тоже опоздала, – сокрушенно покачал он голо-

вой. – А я хотел узнать, играл ли Лёша «Фантазию до мажор»... Он так оригинально ее решает... Программки у тебя нет?

Я отвернулась. Что за ерунда. Я его знаю? Нет. Но он меня знает, кажется... Смотрит ведь так, как будто знает по меньшей мере сорок лет. Как раз в песочнице когда-то и познакомились.

– А ре-минорную токкату играл, не запомнила? Он там одну такую штуку делает... Профессора наши ругаются, никак не успокоятся. Стаккатными триолями несколько тактов играет...

Я пожала плечами.

– Не знаю.

– Ясно...

Я понимала, что человек сзади меня или путает меня с кем-то, или же хочет вот так запросто познакомиться. И что в этом плохого? Когда последний раз со мной кто-то знакомился? Папа одной моей девочки, у которого умерла жена, и он мается теперь с тремя детьми? Я с детьми ему помогла, но даже разговаривать с ним долго по душам у меня не получилось. Потому что не было никакого интереса. Я не могу общаться с мужчиной лишь потому, что он мужчина и я ему симпатична, потому, что он хочет этого общения. Я уже думала об этом. Наверное, у меня какой-то сломанный ген. Ведь для женщины по природе ее нормально отвечать на ухаживания, влюбляться в ответ. Но это не про меня. Иначе я

уже давно бы не была одна. Хотя я и не одна, а с Маришей. Пока, по крайней мере.

Мариша как раз послала мне фото: она, Илюша, очень погрузневший в последнее время, и даже на фото было видно, что уже сильно подвыпивший, и его вторая жена. Одной рукой Илюша обнимал жену, другой – Маришу. Маленькой девочки в кадре не было. Кто-то их фотографировал. Казалось, что Илюша стоит с двумя своими дочерьми, постарше и помладше. Высокая, изящная, но крепкая, широкоплечая и серьезная Мариша казалась на фото старше, чем сильно накрашенная и очень глупая Илюшина жена.

Я завидую ей? Почему тогда сходу называю ее глупой? Вид у нее такой? А какой сейчас вид у меня, что человек вдруг так со мной заговорил? Умный вид? Сомневаюсь.

– Я не знаю, что именно он играл, – ответила я так, чтобы закончить разговор. – Я программку купить не успела, а на слух точно произведений не знаю.

Синеглазый мужчина в ответ протянул мне телефон.

– Что это? – удивилась я.

– Я программку нашел. Вот, смотри. Если он играл в том порядке, то в первом действии были две очень красивые вещи. В начале и ближе к концу. Понравилось?

Я пожала плечами. Нет таких слов, чтобы выразить, как мне понравилось. Но зачем мне с незнакомым человеком говорить об этом?

– Ты не помнишь меня? – продолжал он как ни в чем ни

бывало.

– Нет... – Я с сомнением посмотрела на него повнимательнее. Мальчики так сильно меняются с годами. Может, это мой одноклассник? Староват на вид... Ему точно много больше сорока. А то больше пятидесяти. Однокурсник? Ведь на курсе у меня было так много человек, я многих помню лишь смутно. – Мы знакомы?

– Нет.

– А... – Я чуть отодвинулась от спинки своего кресла и краем глаза посмотрела, куда бы мне пересесть. – А как же я тогда могу вас помнить?

Переходить на «ты» с этим довольно странным человеком мне не хотелось. Хотя мне и понравились его глаза. Ведь это правильно? Не может быть хорошим человек с плохими глазами. И наоборот. Главное – понять, какие они, глаза. Эти смеющиеся совершенно синие глаза, как будто с другого лица... А лицо – некрасивое, некрасивое... Не уродливое, нет, но какое же некрасивое!.. Мне, художнику, так тяжело видеть несовершенство в природе и человеке, хочется сразу поправить. А как это поправишь?

Мой неожиданный собеседник вздохнул.

– Понятно. Не вспомнила. Просто уничтожила взглядом. А чудовище, между прочим, может стать принцем, если его поцеловать. И сказано об этом в древних сказках. Люди знали, что говорили. Бабушка рассказала внучке, потом она тоже стала бабушкой – и своим рассказала... Жило-было чу-

довище, пошло одно как-то раз в консерваторию, Лешку послушать, а тут – откуда ни возьмись волшебная принцесса сидит на втором ряду... Волосы у принцессы пышные, золотистые, она их зачем-то туго стягивает, прячет, а прядка одна выбилась – на шею-то белую, нежную...

Я от неловкости отвернулась. На самом деле мне показалось, что он не настолько чудной, каким зачем-то хочет казаться. В глазах всё это время – в смеющихся! – была какая-то грусть. Как это может быть? Не знаю. Жизнь парадоксальна, а человек многогранен. Где-то глубоко-глубоко за смешинкой пряталась грусть. Разглядела я ее или просто придумала?

– Напомните, если мы встречались, то где? – вновь повернувшись к нему, скучно и настойчиво сказала я, хотя хотелось мне сказать что-то другое.

– Во сне.

– Так, всё, ладно! – засмеялась и отмахнулась я от него. – Я сплю без снов.

– Да что ты! – удивился он. – Так поэтому ты и не помнишь меня!.. Прихожу я как-то к тебе во сне, а ты сидишь у окна, красивая, грустная... Нет, не помнишь? Ты еще так улыбнулась мне...

Вовремя началось второе отделение. Вышел Алёша, у меня забилось сердце, не очень сильно, правда, возможно, этому помешал неожиданный сосед сзади. После номера я тихонько пересела через два кресла. Краем глаза я увидела, что

сосед проследил мой маневр и за мной не последовал.

Второе отделение было еще волшебнее и прекраснее первого. Через какое-то время музыка снова захватила меня, полностью и без остатка. Я очнулась только пару раз, чтобы подумать – ну как же так, как же живу без такой музыки – билет фактически ничего не стоит, места есть, можно ходить хоть каждую неделю и попадать на полтора-два часа в мир невидимый, но совершенно реальный. Его творят тоже люди, но они ведь не совсем обычные, они знают другой язык... Да и, если вдуматься, мир этот существует сам по себе. А музыканты лишь нам его открывают...

То грустная, щемящая, бесконечная, то страстная и бурная, то нежная и тоненькая, как струйка прохладного родника, то мощная и безграничная, как огромная волна, музыка полностью поглотила меня. Я не знала, когда конец. В наступившей паузе после очередных аплодисментов я вдруг услышала: «Концерт окончен». Лёша только что играл на «бис», да понятно, это был «бис» – самый яркий, довольно известный, сложнейший номер. Хотя я не знаю – как это играть на органе – очень сложно или невероятно сложно. Я немного играю на пианино, точнее, не играю, а знаю ноты и клавиши.

Когда-то давно, в раннем еще детстве, я ходила в музыкальную школу. После второго или третьего класса (я не помню, и теперь уже ни у кого не спросишь) мама летом, приехав с Севера повидаться со мной и с бабушкой, неожиданно спросила меня: «Ты хочешь ходить в музыкальную

школу? Или, может быть, хватит? Надоело тебе?» Я подумала и кивнула: «Хватит, надоело».

Я так хорошо помню этот момент. Что-то важное, большое, наполненное словами, событиями, именами, стирается, а запоминаются, казалось бы, незначительные вещи. Ну, подумаешь – кивнула. Ведь сто раз потом могла снова начать заниматься музыкой... Я и начала, лет в шестнадцать, в десятом классе. Бабушка нашла учительницу, и я к ней ходила. А оно куда-то ушло – то удивительное, что у меня было в детстве. Когда разберешь лишь ноты, а руки их уже знают. И учить ничего не нужно. Сядишься и играешь – как по волшебству.

Я пыталась учить Маришу музыке, она занималась в музыкальной школе полтора года и сама сказала мне: «Хватит!» Зная, что последнее дело – заставлять детей доделывать то, что недоделал по жизни ты сам, брать ту планку, которая у тебя падала и падала, пока ты не отошел от нее, смирившись, я опять согласно кивнула: «Ну, хватит, так хватит...» История, в перевернутом виде, повторилась. Мариша пока не спохватилась и, возможно, не спохватится. Хотя у нее отличный слух, и она могла бы и петь, и играть. Посмотрим, что она сама еще скажет своим детям насчет музыки...

– Пошли?

Я опять не сразу поняла, что это говорят мне. Утонув в океане музыки, я почти забыла о случайном знакомом.

– Вы мне?

Он засмеялся. Когда он смеялся, то лицо переставало быть таким некрасивым. Даже становилось симпатичным.

– Да. Я Миша.

Я пожалала плечами. Странно, непривычно, но...

– Я Ольга.

Я видела, как кланялся Алёша, видела, как он внимательно посмотрел на меня. Мне показалось, что он меня узнал. Как же некстати ко мне привязался этот человек... Я хочу пройти и поздороваться с Алёшей? А почему бы и нет?

Михаил мое замешательство не так понял.

– Идем-идем... – довольно запанибратски сказал он мне и то ли попытался взять под руку, то ли хотел просто погладить по руке.

Я осторожно отстранилась. Недотрога ли я? Не знаю. Никто меня очень давно не трогал. И я не слишком об этом мечтаю.

– Мне в другую сторону, – сказала я. – Извините, не обижайтесь, – добавила я, чтобы он не подумал, что я с ним так недоброжелательно разговариваю из-за его некрасивости.

Понятно, что у человека есть такой пунктик – не зря же он мне рассказал сказку о чудовище и принцессе. Наверное, всегда начинает так свои знакомства или так отшучивается, когда очередная женщина не хочет с ним идти.

– Да ладно, я привык! – легко сказал Михаил. – Сорок семь лет так живу – некрасивый и нелюбимый.

Да, я правильно всё поняла.

– Нет, мне просто нужно к музыкантам пройти...

Мне стало жалко незнакомого человека. Природа и жизнь очень несправедливы. А что, если на самом деле вот так у него всю жизнь – все от него бегут и бегут? Хотя не был бы он тогда таким смелым... Или это смелость от отчаяния?

Михаил заметил все оттенки сомнения на моем лице, засмеялся и опять на миг перестал быть чудовищно некрасивым. Улыбка у него хорошая. Глаза и улыбка – ведь это главное на лице – для умных людей. Умная ли я?

– Музыкант был всего один, если ты заметила.

– Мне режет ухо ваше тыканье, – аккуратно ответила я.

– Ну и зря. Просто странно и глупо отгораживаться друг от друга. Пока преодолеваешь эти границы и заборы – жизнь уходит.

Я не стала уточнять, что именно он имеет в виду. Мне сейчас важнее было другое. Я решила зайти и сказать: «Привет». Что будет дальше, я не знала, но мне это было очень нужно.

Я подошла к двери, на которой было написано «Служебный вход», подергала ее. Дверь была закрыта. Рядом тут же появилась женщина в униформе и строго предупредила меня:

– Закрыто!

– Да я вижу... – пожала я плечами.

Если бы у нас всё так было в стране, как охраняются служебные двери...

– Пошли, проведу! – подмигнул Михаил, который стоял, оказывается, у окна и наблюдал за мной.

Он опять попробовал взять меня под руку, довольно настойчиво. А я опять освободилась. Потому что это же глупость какая-то! Идти под руку с незнакомым человеком к Алёше! Я даже не знала, что в моей душе хранится столько хороших воспоминаний о наших встречах, разговорах. Я была уверена, что все это забыла, как будто этого и не было. Нет же... Голова со скоростью, доступной только мысли – не перескажешь так быстро – доставала из каких-то своих неведомых мне архивов то одну картинку, то другую...

... Вот мы гуляем в парке, Алёша набрал мне охапку красивых осенних листьев, и я смотрю на негреющее осеннее солнце сквозь маленькую дырочку в красном кленовом листе... Вот зима, много снега, так много, что люди протаптывают себе тропинки, как в деревне, мы смеемся, потому что я то и дело спотыкаюсь, набрала полный сапог снега, но мне не холодно. Наоборот – хорошо и тепло, и день светлый-светлый, солнца нет, но все освещено снегом. И всё белое – цвета в природе нет совсем. Но от этого не грустно, а как-то легко и ясно. Ясно, что нам хорошо вместе...

Откуда это? Я ведь ничего этого не помню, никогда не вспоминала. Я так была счастлива с Ильей, потом так страдала от его предательства и мучительного с ним расставания. По кусочкам отрезала от себя Илюшу... Кусочек, глядишь, еще месяц прошел, еще кусочек – год, второй пошел, а ку-

сочки никак не заканчиваются... Откуда сейчас эти воспоминания совсем о другом? Музыка так растревожила?

Или вот... Мы сидим у реки, лесопарк по берегу красивой извилины Москвы-реки, начало лета, еще впереди три долгих месяца лета, как-то томительно, чуть тревожно, кажется, что летом должно все решиться... Алёша то и дело взглядывает на меня вопросительно и доверчиво... А мне смешно и хорошо. И я понимаю, что не должна ничего ему отвечать. А что отвечать? И так все ясно... Просто... Просто не надо торопить события... Да он и не торопит меня. Ведь он никуда от меня не денется. И я, по всей видимости, тоже нашла свое место на земле, рядом с этим удивительным, тонким, сдержанным и увлеченным человеком. Сочетание такое необычное... И внешность у Алёши необычная... Что-то в лице есть древнее, какая-то красота других народов, ушедших, растворившихся в глубине веков... Может быть, я все это придумывала, но мне так казалось...

Я даже думала о том, какие дети могут быть у нас с Алёшей. Точно думала, потому что я помню, что мы разговаривали об этом с бабушкой, и бабушка сказала, что Алёша был бы хорошим отцом. А я ответила – вряд ли. Ведь он очень занят своей музыкой. Тогда бабушка сказала, что Алёша красив внутренней красотой. И лицо у него правильное, но немного скучное. И я с этим охотно согласилась. И мы с бабушкой смеялись и переглядывались, и все-все еще было впереди... И встреча с Илюшей, и бабушкин уход, который

я переживала так тяжело, как не переживала смерть родителей, ведь я их плохо знала. Не слишком любила, не слишком скучала, забывала от встречи к встрече. А бабушка была всегда рядом, была моим лучшим другом. И без нее мне стало пусто на земле. Если бы не любовь, если бы не Илюша и заботы о нем, я бы не вынесла этой пустоты.

Заботы о нем... Странно... Я так никогда раньше не думала. Ведь он, конечно, тоже окружал меня любовью... Требовательной, настойчивой, эгоистичной... И требовал постоянной заботы, отдачи, любви. Он должен был быть у меня в фокусе – это его собственное выражение. И я этим жила, очень долго жила, даже когда появилась Мариша. Возможно, поэтому я так долго и отрезала его. Или просто – я сильно привязываюсь к людям, и потом мне невозможно никак отвязаться. Вот и человека уже рядом нет. А веревочка есть. Уходит в пустоту...

Откуда взялись все эти воспоминания? Как странно и удивительно устроен человек. Ведь я вовсе ни о чем таком не думала на концерте. Наоборот. Мне казалось, что я в каком-то ином, прекрасном мире, где нет слов и точных понятий, где летишь в весеннем ясном небе, где ты легкая и сильная, а мириады прекрасных звуков обрушиваются на тебя светлым потоком. Но, выйдя из зала, я вдруг ясно вспомнила давно забытое, оказывается, такое хорошее...

– Ну? – поторопил меня Михаил, надо сказать довольно бесцеремонно.

Я покачала головой. И как быть? Дурацкая какая ситуация.

– Идем? – настойчиво спрашивал он, улыбаясь.

– Хорошо, пошли, – кивнула я.

В конце концов, главное мне сейчас было увидеть Алёшу и сказать ему... Что именно сказать, я пока не знала. Хотя бы то, что мне очень понравился его концерт. Очень. И что он прекрасный музыкант.

– Идем! – Михаил взял меня за руку, я попыталась освободиться, что за ерунда, в самом деле, но он крепко-крепко сжал мою ладонь, подмигнул мне, сказал: – Не-а! Не выйдет!

Я не стала больше брыкаться, чувствуя себя, однако, не в своей тарелке. Мы пошли наверх, а потом вниз и снова наверх и неожиданно оказались в нешироком светлом коридоре с артистическими комнатами, сейчас совершенно пустом. Ведь Алёша весь этот океан звуков извлекал из органа сам.

– Так... – Михаил огляделся. – Ага, вон там, наверное... – И он решительно направился в сторону закрытой двери, без стука ее открыл. – Привет! – сказал он весело.

Я же, осторожно освободив руку, встала у него за спиной. Странная была идея прийти к Алёше – вдруг подумала я и отступила в сторону. Михаил обернулся и одним движением выдвинул меня из-за своей спины. Не очень-то и приятно, когда тебя двигают, как вещь. Я попробовала аккуратно освободиться от его рук.

– Вот, пришли с Олей, хотели тебя повидать...

– Привет, Миш, – сказал Алёша.

Если закрыть глаза, то как будто говорил тот самый человек, который проводил часы у меня под окном. Ему не может быть около пятидесяти лет. Он не играл сейчас на сцене московской консерватории. Он молод, влюблен, немного растерян, у него приятный юношеский дискант, до конца не сломавшийся голос. Этому голосу – двадцать три. А Алёше – сорок семь или сорок восемь. Или сорок пять... От растерянности я зачем-то стала в голове считать, сколько же сейчас лет может быть Алёше. На сколько он старше меня? На пять лет? Или вообще не был старше... В смысле и сейчас не старше... Нет... старше... Мысли мои стали путаться.

– Оля... – Алёша даже отступил на шаг от меня. На Михаила он взглянул лишь мельком.

Что, значит, он не узнал меня в зале? А я-то подумала, что он смотрел, как я ухожу, думала, что он играл для меня... Когда у человека в голове столько сложной музыки, которую сейчас нужно сыграть, думает ли он о таких глупостях, как одна женщина в синем платье, которая уходит с его концерта, когда он еще не начался... Собственно, я так и сделала когда-то в юности. Ушла с концерта, на котором я всегда могла бы быть главным зрителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.